

МАРИАННА

Цикл романов
Ж. Бенцони о любви

JULIETTE
BENZONI

MARIANNE

Une étoile pour Napoléon

ЖЮЛЬЕТТА
БЕНЦОНИ

МАРИАННА,
или Звезда для Наполеона

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni

MARIANNE. UNE ÉTOILE POUR NAPOLEON

© Juliette Benzoni, Marianne. Une étoile pour Napoleon, 1969.
Tous droits réservés

Перевод с французского *А. Кабалкина*
Художественное оформление *П. Петрова*

Бенцони, Жюльетта.

Б46 Марианна, или Звезда для Наполеона : [роман] / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. А. Ю. Кабалкина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 512 с. — (Марианна. Цикл романов Ж. Бенцони о любви).

ISBN 978-5-699-86178-1

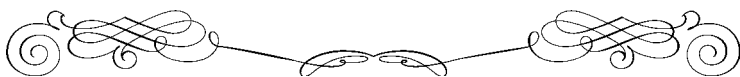
Поразительная история Марианны Д'Ассельна де Вилленев берет свое начало в Англии, в тихой усадьбе тетушки Эллис Селтон, приютившей девочку после смерти ее родителей, расставшихся с жизнью на гильотине во времена французской революции. Отрочество Марианны заканчивается внезапно в день свадьбы с красавцем Франсисом Кранмером, в которого девушка уже давно была тайно влюблена. Но наступает первая брачная ночь, и она разом теряет и свою любовь, и деньги, и покой. Марианне приходится бежать, бросая все, что ей дорого, она возвращается во Францию, где безраздельно царствует человек, которого ее день за днем учили ненавидеть...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-86178-1

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Моим друзьям
Колеетт и Роберу-Андре Вивьен*

Пролог
Одинокое сердце
1793 год

Дрова в камине никак не желали разгораться, и леди Эллис Селтон поворошила их палкой. Вырвавшийся из-под головешек длинный язык пламени лизнул сырую древесину, изогнулся, как огненный змей, и метнулся в черную высь дымохода. Леди Селтон со вздохом оперлась о кресло. Этим вечером ей был противен весь белый свет и прежде всего — она сама. Так всегда бывало, когда тяжесть одиночества становилась невыносимой.

Снаружи, в парке, порывы пронизывающего ветра гнули верхушки высоких деревьев, бесновались вокруг замка и, проликая в дымоходы, издавали долгий тоскливый вой. Буря исторгала из глубины земли давно умолкшие голоса. Казалось, доносясь из незапамятных времен, они предназначены для старой девы, воплощения старинного поместья Селтон, где не осталось мужчин. Некому было подхватить благородное наследие: где они, дерзкие, жизнерадостные, сильные, звонкоголосые юноши, которым этот груз был бы только в радость? Никого, кроме тридцативосьмилетней Эллис с больной ногой. Хромая Эллис, которой никто никогда не говорил слов любви. Спору нет, ей ничего не стоило бы выйти замуж, но вот беда: те, кого соблазняло ее богатство и пышность Селтон-Холла, вызывали у нее лишь презрение. Она не допускала даже мысли, чтобы кому-то из них покориться. И вот результат — серое, невзрачное одиночество, замурованное в гордыне и питающееся одними воспоминаниями...

На короткое мгновение ветер стих. Из глубины парка донеслось приглушенное дребезжание колокольчика. Огромный пес, до этого момента дремавший у ног старой девы, положив морду на лапы, приоткрыл один глаз, встретился взглядом с хозяйкой и вопросительно зарычал.

— Умница! — пробормотала Эллис, глядя собаку по большой голове. — Это наверняка припозднившийся слуга или фермер, решивший заглянуть к старику Джиму.

Она хотела снова погрузиться в свои мысли, скользя ладонью по шелковой собачьей шерсти, но пес отказывался засыпать. Он поднял голову и прислушался, как будто инстинкт заставлял его следить за гостем, пробирающимся по растревоженному ураганом парку. Беспокойство собаки передалось хозяйке.

— Думаешь, к нам гости? Кого может принести в такой час?

Ответ не заставил себя ждать: уже через мгновение перед ней бесшумно вырос дворецкий Пэрри. Обычно воплощение безмятежности и достоинства, сейчас он был заметно взволнован.

— К нам пожаловал некий господин, миледи. Он настаивает, чтобы миледи его приняла.

— Кто таков? Что у него за дело? Как я погляжу, вам не по себе, Пэрри?

— Дело в том, что гость необычный, миледи, из тех, кого мы принимаем нечасто. Ему пришлось проявить настойчивость, чтобы побудить меня побеспокоить миледи и...

— Ближе к делу, Пэрри, сделайте милость! — прикрикнула на дворецкого Эллис, нетерпеливо ударив палкой в пол. — Умерьте ваше многословие, иначе мне никогда не разобратся, что к чему. Раз вы уже изволили меня побеспокоить, то пора объяснить причину.

О замешательстве дворецкого свидетельствовала выразительная гримаса, которую он себе позволил, прежде чем ответить. Губы его презрительно скривились, когда он произнес:

— Это француз, миледи, католический священник!.. Да еще с младенцем на руках!

— Что?! Вы в своем уме, Пэрри?

Она вскочила, лицо стало одного цвета с серым платьем, синие глаза сверкали негодованием из-под густых рыжих ресниц.

— Священник? Да еще с ребенком? Наверное, преследуемый полицией беглец, ищущий, где спрятать плод своего греха! Притом еще француз... Один из негодяев, убивающих дворян и поднявших руку на своего монарха! Как вы могли подумать, что я приму ЭТО?

Эллис Селтон, убежденная протестантка, не выносила католиков, а к их священникам испытывала ужас пополам с недоверием. Сейчас в негодовании ее голос вырвался за пределы, диктуемые приличиями и воспитанием, и стал похож на истошный визг. Еще немного — и Пэрри получил бы приказ выгнать незваного гостя вон. Внезапно дверь библиотеки, всего лишь прикрытая дворецким, распахнулась. На пороге появился человек в черном со свертком в руках.

— Вы не ошиблись, миледи! Я и впрямь подумал, что *вы* это примете, — тихо проговорил он. — Божий дар не отвергают.

Незнакомец был так худ, что с трудом держался на ногах. Густая щетина и копоть на щеках делали его некрасивое, с неопределенными чертами лицо даже волнующим. Вздернутый нос придавал ему лукавства, но ввиду очевидного бедственного положения его владельца общее впечатление создавалось трагическое. Это лицо спасали от зауридности, близкой к уродству, глаза — огромные, серые, невероятно красивые, сияющие одновременно простодушием и глубиной. Все вместе производило приятное впечатление: человек был не лишен ума и даже притягательности. Приступ гнева не помешал леди Селтон обратить внимание на изящество его ладоней и узость стоп — безошибочные признаки хорошего происхождения. Щеки миледи, еще секунду тому назад белые, как мел, густо покраснели.

— Итак, — начала она насмешливым тоном, — вас прислал сам Господь? Примите мои поздравления, вам не откажешь в самоуверенности! Пэрри, вызовите ваших людей, пусть вышвырнут вон этого посланца Всевышнего вместе с отродьем, которое он прячет под рясой!

Незнакомцу полагалось затрепетать, но он и бровью не повел, а всего лишь покачал головой, бесхитростно разглядывая разбушевавшуюся старую деву.

— Меня вы можете выгнать, миледи, воля ваша, но... — Он извлек из складок рясы мирно спавшее дитя. — Примите, по крайней мере, то, что вам посылает Господь. Это вовсе не я, а она — Его дар.

— Достаточно с меня собственных бедняков, на всех меня не хватит.

Незнакомца и это не поколебало, более того, в его тоне появились торжественные нотки:

— Ее зовут Марианна Елизавета д'Ассельна, и она придется вам племянницей.

Эти слова действовали на Эллис Селтон как удар молнии. Палка, на которую она опиралась, упала с сухим треском на паркет, но миледи даже не шелохнулась. Тщедушный гость распахнул свой издававший виды, пропитанный дождевой водой плащ и шагнул к камину. Отблеск пламени озарил личико малышки нескольких месяцев от роду, погруженной в глубокий сон.

Эллис разинула было рот, но не смогла вымолвить ни слова. Ее негодующий взгляд, скользнув по спящему личику, а потом по лицу незнакомца, уперся в Пэрри, почтительно подавшего ей поднятую с пола палку. Она схватилась за нее, как за спасительную соломинку, и так сильно сжала кулак вокруг рукояти, что костяшки пальцев побелели.

— Оставьте нас, Пэрри! — прошептала она низким, разом охрипшим голосом.

Когда за дворецким затворилась дверь, леди Селтон спросила незнакомца:

— Кто вы?

— Я кузен маркиза Ассельна и крестный отец Марианны. Мое имя — Готье де Шазей, аббат Готье де Шазей, — уточнил он без малейшего, впрочем, вызова.

— Раз так, прошу простить мое негостеприимство. Как я могла догадаться? Но, — заторопилась она, — вы назвали этого ребенка моей племянницей...

— Марианна — дочь вашей сестры Энн Селтон и маркиза Пьера д'Ассельна, ее мужа. Если я осмелился просить у миледи помощи и защиты для нее, то лишь потому, что у нее теперь нет в целом мире ничего, кроме вашей нежности... Вашей и моей.

Медленно, не спуская взгляда со священника, Эллис опустилась и направила трясушейся рукой деревянную спинку своего кресла, чтобы тяжело в него рухнуть.

— Что-то произошло? Скажите, где мои сестра и зять? Раз вы принесли мне их ребенка, то...

Ей было страшно продолжать фразу, казалось, тревога, вставшая в ее горле комом, не дает ей произнести роковые слова. Священник понял, что миледи угадала ответ. Его серые глаза наполнились слезами, взгляд, устремленный на старую деву, был полон бесконечной скорби и жалости. В сером шелковом платье, в нелепом белом чепце с зелеными лентами поверх густой огненной шевелюры леди Селтон выглядела смешно и одновременно внушительно. Увечную ногу она инстинктивно спрятала под кресло. Пять лет назад она упала с лошади, после чего осталась хромой, без всякой надежды на выздоровление. Аббат, знаток человеческих душ, видел, как она мучается от своего одиночества, вскормленного высокомерием. Он был удручен, что жизнь вынуждает его нанести ей новый страшный удар.

— Простите, — заговорил он еле слышно, — но мне придется стать вестником несчастья. Как вы, без сомнения, знаете, месяц тому назад королева Мария-Антуанетта¹ поднялась на эшафот, уже обгаренный кровью ее царственного супруга. Все усилия горстки преданных людей, надеявшихся вырвать ее из лап палачей, были тщетны. Еще через два дня

¹ *Мария-Антуанетта, урожденная Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбург-Лотарингская (1755–1793) — королева Франции, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии. Супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 г. После начала Французской революции была объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интервенции. Осуждена Конвентом и казнена на гильотине. — Здесь и далее прим. ред., если не указано другое.*

поплатились за свою преданность некоторые из этих смельчаков, в том числе маркиз д'Ассельна...

— А моя сестра?

— Она пожелала разделить судьбу мужа и была схвачена вместе с ним. Без Пьера для нее не было жизни. Вы знаете, какая их соединяла глубокая, пылкая любовь. Они взошли на эшафот так же, как шли к алтарю в версальской церкви, — рука об руку, с улыбкой на устах!

Эллис не выдержала и разрыдалась. Из ее глаз градом хлынули слезы, и она не стала их утирать. Рыдать от горя — это так естественно! Уже давно она, не отдавая себе в этом отчета, ждала случая дать волю слезам. С того дня, когда Энн, ее неотразимая младшая сестра, влюбилась в красавчика французского дипломата и ради него отказалась от родной страны, от своей веры, от всего, что было ей дорого, со дня знакомства с Пьером д'Ассельна Эллис вспоминала сестру в молитвах. Энн могла бы стать английской герцогиней, но выбрала участь французской маркизы и тем разбила сердце своей сестры, которая была старше ее на пятнадцать лет и заменила ей умершую мать. В день, когда ее сестра и благородный француз повенчались, Эллис казалось, что ее сестренка уезжает не только в несусветную даль, но и навстречу трагической судьбе. Правда, тогда леди Селтон было невдомек, откуда взялось это навязчивое предчувствие. То, о чем сообщил аббат Шазей, стало воплощением в реальность самых худших из ее кошмаров.

Чувствуя ее безмолвную боль, человек в черном стоял перед ней, машинально качая спящую малютку. Неожиданно Эллис вскочила и протянула к девочке жадные дрожащие руки; осторожно приняв малышку, она прижала ее к своей тощей груди, опасливо разглядывая крохотное личико в венчике невесомых каштановых прядок. Потом она робко дотронулась до крепко сжатых розовых кулачков. На ее лице, озаренном нежностью, слезы сохли, как по волшебству.

Ноги аббата, не знавшего отдыха вот уже несколько недель, подкосились, и он тяжело опустился в одно из кресел, чтобы наблюдать из него за последней из Селтонов, неожи-

данно обнаружившей в себе материнский инстинкт. Ее длинное лицо в обрамлении рыжих волос, озаряемое пламенем камина, воплощало сейчас два непримиримых чувства — любви и боли.

— На кого же она похожа? — шепотом осведомилась Эллис. — Энн была белокурой, а этот ребенок темноволосый.

— Она — вылитый отец. Но глаза у нее непременно будут, как у вашей сестры. Вот проснется — сами увидите...

Казалось, Марианне требовалось только это разрешение, чтобы проснуться. Она распахнула изумрудные глаза и уставилась на тетку. В следующее мгновение ее носик сморщился, ротик скривился. От могучего детского плача Эллис задрожала и чуть не выронила племянницу. В ее устремленном на аббата умоляющем взгляде читалась чуть ли не паника.

— Господи, что это с ней? Она нездорова? Или я причинила ей боль?

Готье де Шазей широко улыбнулся, показав безупречные белые зубы.

— Думаю, это голод, только и всего. С самого утра у нее во рту не было ничего, кроме колодезной воды.

— Как и у вас самого! Что с моей головой? Я слишком увлеклась собственными печальями, а тем временем вы вместе с этим маленьким ангелом умираете от голода и усталости!

Мгновение — и тишина в замке сменилась тарарамом. Слути забегали как заводные. Одному из них поручили привести некую миссис Дженкинс, другим было приказано немедленно принести ужин, а также горячего чаю и старого виски. Пэрри, наконец, получил указание, которого ждал с самого начала: приготовить гостю из Франции комнату. Скорость исполнения поручений в этом замке была воистину чудесной. Пэрри исчез, слуги принесли великолепно накрытый стол, появившаяся миссис Дженкинс выглядела торжественно, как того требовали ее обязанности экономки, внушительные габариты и весьма зрелый возраст. Однако вся ее неприступность растаяла, как масло на солнце, лишь только леди Селтон предложила ей поддержать на руках малышку.

— Держите, моя добрая Дженкинс... Это все, что у нас осталось от леди Энн. Проклятые кровопийцы! Они убили ее за то, что она попыталась спасти несчастную королеву. Надо позаботиться о малышке, потому что у нее никого нет, кроме меня... А у меня — никого, кроме нее!

Когда все разошлись, она повернулась к аббату Шазею, и тот увидел, что у нее опять катятся по щекам слезы, что не помешало ей храбро улыбнуться, указывая на стол с яствами.

— Угощайтесь! Сначала поешьте, а потом все мне расскажете.

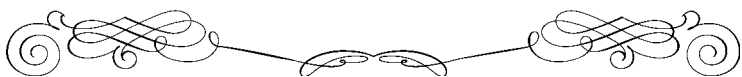
Рассказ аббата вышел долгим: он поведал о своем бегстве из Парижа с ребенком, брошенным в разграбленном особняке маркиза д'Ассельна.

Тем временем в большой обтянутой синим бархатом комнате второго этажа мирно спала выкупанная и напоенная теплым молоком Марианна, убаюканная старой Дженкинс. Переполненная нежностью, та качала на руках хрупкое тельце, любовно украшенное ею батистом и кружевами, оставшимися еще от матери девочки, и напевала старую балладу, вдруг всплывшую у нее в памяти:

О, госпожа моя, и снова вы пришли,
Введя с собой любовь и счастье в дом...
И так же в дальний путь уходят корабли,
Лишь волны бьют и плещут за бортом...

К кому была обращена старинная песня на стихи Шекспира: к тени беглянки Энн Селтон или к крохотной девочке, нашедшей убежище в английской глубинке? Мурлыча песню, миссис Дженкинс улыбалась своей подопечной, но в глазах у нее стояли слезы.

Так Марианна д'Ассельна оказалась в старом поместье своих английских предков, где ей было суждено провести детство.

Новобрачная из Селтон-Холла

1809 год

Глава 1

Свадебным вечером

Рука священника описала в воздухе широкий круг благословения, прозвучали слова ритуальной формулы, все вокруг склонили головы — и Марианна поняла, что стала замужней женщиной. Ее охватила неопишуемая, почти дикая по силе радость и одновременно — страх, потому что происшедшее абсолютно необратимо. С этого мгновения она не принадлежала себе, соединялась душой и телом с тем, кого для нее выбрали, кого ей навязали, но кого она ни за что не променяла бы ни на кого другого. Когда он впервые перед ней склонился, Марианна поняла, что влюблена. С тех пор она растворялась в нем со страстью, которую вкладывала во все, что делала, со всем пылом первой любви.

Ее рука, украшенная золотым колечком, трепетала в руке Френсиса. Она подняла на него зачарованный взгляд.

— Навсегда! — пробормотала она. — Пока смерть не разлучит нас.

Он улыбнулся ей с немного высокомерной снисходительностью взрослого к излишне восторженным словам ребенка, тихонько стиснул ее хрупкие пальчики и отпустил, чтобы помочь ей усесться.

Новобрачная прилежно выслушала начало мессы, но внимания на всю привычную службу у нее не хватило: ее мысли снова не мог не занять ненаглядный Френсис. Из-под обрамлявшего ее лицо облака кружев глаза восторженно разглядывали безупречный профиль мужа. Тридцатилетний Френсис Кренмер был великолепен. Высокий, изысканный и утонченный аристократ, в котором изящество неподража-